

Ибраев Л.И.

НАШ ПУТЬ к демократическому коммунизму
Доклад на межрегиональной научно-практической
конференции Демократической партии России
(май 2002 г., Таир)

Весь страшный 20-й век корчился в смертельной схватке либерализма и тоталитаризма, а наступивший новый век дополнился ещё и враждой либерализма с религиозным фундаментализмом, исламским, христианским, буддистским, столь же яростно диктаторским по духу. Откуда эти современные антиподы?

Что произошло в России в октябре 1917 года? Если революция, то где приносимая революциями свобода и производственная эффективность? Почему тогда не победила демократия? Если контрреволюция, то где же торжество старых господствующих классов? Какой установился строй? Социализм? Но почему же собственность на средства производства и власть реально оказались не у трудящихся, а у чиновников? А что случилось в итоге? В чём причина распада тоталитарных диктатур? Что ждёт человечество впереди? Эти недоумения не перестают беречь умы.

Смысл истории последних веков – драма и фарс столкновения двух общественных формаций, традиционной распределительной и наступающей обменной.

Распределительная формация: родовая, феодальная – с централизованной государственной раздачей землевладения наместникам и другим служилым, как в древних деспотиях Египта, Вавилонии, Китая, Инкии, Индии, и феодальная – уже с наследственным владением и – соответственно – государственной раздробленностью, - она обуславливается замкнутым натуральным хозяйством крестьян и ремесленников и построена на распределении произведённых благ, оттого зависимости пользователей от благогоздателя: общины, идеологической и военной бюрократии, священников - с привилегиями для одних и дискриминацией других, на отношениях их господства и послушания жалюемых, иерархии чинов, рангов, титулов, сословий и каст.

Распределительные продуктивные отношения формируют у людей сообразный себе духовный склад – патернализм.

Отнятие у людей плодов их труда, подавление новаций единомыслием, канонами и запретами убеждает их в опасности инициативы и бесполезности усердия и накопления, приучает к расточительности – щедрости и беспечности, медлительности и унижительному выпрашиванию милости. Покорность и верность – здесь основные доблести. Духовно определяющим оказывается желание сильной руки, покровителя, опеки, надежда на его

защиту. Складывается харизма кумира и убеждение во вседозволенности власти, униженная почтительность и смирение лукавого льстеца перед своим начальником, но куражливый произвол над своими подчинёнными: в своей вотчине, в своём доме. Деспотизм и роскошь их восхищает, вызывает восторг, даже гордость своим холопством у такого всемогущего и великолепного хозяина. А претензия на равенство с господином воспринимается святотатством и хамством: каждый сверчок, знай свой шесток; зато не вызывает сомнения уравниловка со своей ровней; тут вспыхивает ревность и зависть, даже ненависть к выскочке: Как он смел? Да чем он лучше меня?

Автаркия хозяйств приводит к разобщённости патерналов и бессилию одиночек перед властью. Слыша вопли соседа, избиваемого за непочтительность или недоимки, каждый трясётся от страха в своём углу и ждёт своей очереди, но не осмелится сопротивляться. Опыт бессилия приучает к долготерпению и идеалам несчастных: не гордый героизм, а сострадание, рука помощи, добродушие и покорность,- каков добрый Иванушка-Дурачок, Жак-Простак или толстовский милый Платон Каратаев.

Как обычно, подавленность инициативы компенсируется праздно мечтательностью, просто для услаждения себя приятными сказками, без мысли о переходе к делу; пусть они сбудутся как-нибудь сами собой, волшебным образом, авось да небось, по щучьему велению.

Отсюда проистекает надежда на чудо и поклонение колдунам, святым, жрецам и идолам.

Власти патерналы боятся и сторонятся, а в пору катастрофы от власти ждут чуда: то рая на земле, то чудесного мессии, то чудесной демократии, то чудесного коммунизма, то чудесного капитализма. Перед харизматическим лидером впадают в эйфорию восторгов, а когда чудо не состоится, разочарованные возмущаются, что их обманули, ищут тайных врагов, недавнего кумира низвергают и топчут, после чего переносят надежды на нового кумира, но только не на себя. Верить в себя, в свой ум и силу не приходит в голову.

Развитие промыслов и промышленности с разделением в них производства на отдельные отрасли делает необходимым обмен продукцией между ними, - торговую формацию.

Конкуренция, взаимность пользы и заменяемость контрагентов рынка создают независимость личности от конкретного лица и несут распад сословий, рангов, регламентаций и привилегий, - освобождение личностей, их юридическое равенство, но экономически связывают их в гражданское общество. Патернальные идеалы сменяет культ *индивида*, материально и духовно независимого от санкций и мнений других, с раскованными манерами и без притворства и со своей стороны вынужденно терпимого к чужому инакомыслию и причудам, внутренне одинокого, но живущего в общественных организациях: школах, предприятиях, учреждениях, больницах и т.д., приученного торговым бытием к расчётливости и бережливости, к идеалу трудолюбия, предприимчивости и личного успеха – богатства.

Мерилом оценки человека становится не его место в общественной иерархии, а личные успехи сделавшего сам себя (selfmademan).

В идеал справедливости возносится всеобщее равенство – эквивалентность и обоюдная выгода обмена: ты – мне, я – тебе. Однако оборотной стороной тотальной продажности, осуждения лени и неповоротливости, делается эгоистическая чёрствость и презрение к неудачникам: сами виноваты – и Бог их не любит. Между тем промышленное и общественное бытие воспитывает ум критический, методичный и точный – менталитет науки; религию теснит светская идеология.

Патернальная централизованная иерархическая организация теряет свои распределительные скрепы и рассыпается; её сменяет общественное самоуправление – демократия – государство лично свободных людей и их самоорганизаций, гражданское общество. Страшных и харизматических владык патерналов сменяют расчётливо выбираемые управленцы, которые отделены от законодательства и идеологии и подчинены верховенству закона и суда.

Хозяйственно-разобщённые, смиренные, лично зависимые селяне и мещане просто не могут быть основой демократии. Их интересы не вылетают за границы их усадьбы и поля. Свой дом и поле – вот их сладкая свобода, бытовая, реальная и полная, где никто им не указ, или «дикая воля», бегство от власти в «пустыню», в степь или леса, жизнь вольных хлебопашцев и казаков. А участие в делах государства им скучно и недосуг: пусть кто угодно другой, но не я. Патерналы хотят не демократии – власти над властью, а избавления от власти, анархии. По своему менталитету они дополитичны, не граждане, а подданные. От государства им нужно одно: пусть забирает свою долю и оставит нас в покое, да защитит от разбоя, отечественного и иноземного, для чего оно должно быть сильным, способным «держать порядок». Но власть, обособленная от подданных, но твёрдая, – это как раз и есть монархия. Таким образом, диктатура и является патернальным народовластием.

Вот почему мечты русских либералов из просветителей, декабристов или кадетов о республике в патриархально-крестьянской стране были опасной утопией, кончающейся неизбежным перерождением в диктатуру. Демократия становится возможной и нужной только для частных собственников и салириев в условиях рыночного общества.

Да, смысл современной эпохи – это вот уже семь столетий тянувшийся переход традиционного распределительного общества в товарное капиталистическое, вытеснение рынком, техникой и наукой натуральных хозяйств, общин, сословий, разложение старых страт с превращением крестьян, ремесленников и помещиков в фермеров, предпринимателей и наёмных работников – салириев. Однако трансформация общества – вовсе не идиллия, а мучительные корчи утрат старого и непонятности нового, призываемых и проклинаемых реформ, кровавых революций и контрреволюций.

Эта переломная пора рождает из патерналов переломных людей, чьи функциональные знания, идеалы – нормы оказались вдруг ненужными, потерявших бывшее общественное положение, средства и связи, но не обретших новых, оттого повисших в общественной пустоте, асоциальных, чуждых новому укладу и его культуре; короче, это люди пограничные, *маргиналы*, хотя за счёт бывшего состояния некоторые из них могут быть и благополучными.

Наиболее бедствующие из них, неприспособленные и неустроенные, падают в *люмпены*, несчастные, униженные и озлобленные, часто пьяницы и хулиганы. Они могут быть как неквалифицированными рабочими, «люмпен-пролетариями», так и недоучками или людьми устарелой учёности, «люмпен-интеллигентами». А вовсе лишённые легитимных средств существования опускаются в пауперы: нищие, бродяги, воры, грабители, аферисты и т.д.

Особенно массовая пролетаризация, выброс деклассированных из разорённых машинной конкуренцией крестьян и ремесленников, происходит в пору индустриализации, как было на рубеже 18-19 –го вв. на Рейне и в Англии, а на рубеже 19-20 вв. - в России. Толпы несчастных осаждали ворота фабрик и заводов, умоляя о работе. Переизбыток неквалифицированных рабочих обусловил ужас их сверхэксплуатации на истощение: 10-12 часов работы, нищенская оплата, недоедание, удушливо тесные жилища, худые серые лица, переутомление, озлобление, матерщина и пьянство; а те хозяева, чьё сердце запрещало такое жестокосердие, разорались конкуренцией с дешёвыми товарами твердокаменных.

Отверженные и лишние на пиру жизни, страдающие от своей униженности, одиночества, непонятости и чёрствости окружающего, эти горькие изгои не могли не проникнуться антибуржуазностью, враждебностью к миру проклятой торговли, частной собственности, корысти, расчётливости и «умников» - интеллигентов.

Утрата своего мира соседского радушия, взаимной сострадательности и помощи, веры в Бога и все святые не могла не питать их патернальный консерватизм, мечты о возврате в милое прошлое, без этих торгашей, зато с общинным коллективизмом и всеобщей регламентацией – «порядком».

Возмущение контрастом бедности одних и роскоши других, бесконечное отчаяние погибающих в сверхэксплуатации и в ещё более мрачные циклические экономические кризисы с их безработицей не могли не зажигать их жаждой яростного восстания против буржуазного мира и установления беспощадной «диктатуры пролетариата».

Сознание своей неполноценности и внутренняя неуверенность, как обычно, восполняется у них наружным хамством и нетерпимостью к дискуссии, где, предчувствуя свой провал, они подменяют аргументы бранью, угрозами и насилием.

Коммунизм бабуистов, бланкистов, марксистов, ленинцев, маоистов, так же как религиозный фундаментализм, - это патернально-маргинальная реакция на капитализм, обострённая его первоначальной дикой стадией, клопочущие проекты его разрушения и возврата общины. В этой доктрине

воплотилась их выстраданная правда: и возмущение, и тоска о покровительстве, и ретроградство мечтательного прожектёрства, и мессианство, и хилиазм, и деспотизм.

Реакционность диктаторского коммунизма скоро раскрылась в практике его осуществления.

Вместо обещанного счастья триумф коммунизма в 20 веке обернулся народной трагедией: в гражданской войне и массовом терроре погибли десятки миллионов жизней – и ради чего? Всего лишь ради воцарения диктатуры бюрократии с её казарменной идеологической монополией, тотальной слежкой тайной полиции, чиновничьим произволом и ханжески скрываемой роскошью «номенклатуры», её закрытых распределителей и санаториев, персональных автомобилей, самолётов, дач, фантастической бесхозяйственностью и хищениями.

Но никакая официозная показуха и замалчивание хозяйственных провалов, бракодельства и простоя заводов не могли скрыть неэффективности коммунистического производства и нарастающего экономического отставания от других стран. Советский Союз выпускал в 2,2 раза больше стали, чем США, а машин и станков из неё делал в 2 раза меньше; тракторов выпускал в 6,4 раза больше, чем США, а на полях их работало в 2,4 раза меньше; остальные громоздились на окраине горами ржавого лома. Сельское хозяйство потребляло электроэнергии в 3,5 раза больше американского, минеральных удобрений в 2 раза больше, а зерна собирало в 1,5 раза меньше, из которого ещё треть пропадало в отходах. Урожайность зерновых была ниже, чем в Турции или в Пакистане.

Даже в царской России, несмотря на всё её торможение феодальным чиновничеством и землевладением, за 1890-1914 гг. промышленность выросла в 4 раза и было построено более 90 % современной сети железных дорог. Темпы экономического роста были самыми высокими в мире – и экономисты предсказывали, что к середине 20 века Россия станет самой богатой страной в мире. Уже к 1913 году по душевому потреблению она была на 7 или 5 месте в мире, а без Средней Азии – на 3 или 5 месте, но в 1985 году оказалась где-то на 50 месте.

Патерналистско-люмпенская диктатура вела к растрелению застращённого народа вынужденным массовым лицемерием «одобрямс», бесстыдным подхалимством, тайными доносами и жестокостью. Самые трудолюбивые и зажиточные крестьяне были уничтожены расстрелами, концлагерями, высылкой, а остальные превращены в люмпен-пролетариев, бесправных колхозно-совхозных батраков, приневоленных работать по сути бесплатно, приучены халтурить и жить мелким воровством с колхозных полей и ферм, утративших радость свободного труда и самоуважение, спивающихся и разбегающихся. Угнетение всякой инициативы, экономической, технической, научной, художественной, вечный товарный дефицит и очереди, невозможность для мужчин обеспечить семью, их низкий статус в ней убивали в людях смысл жизни, толкали многие миллионы на озлобление, мат, алкоголизм и драки. Свыше шести миллионов бездомных и около 30

миллионов рецидивистов – таков был масштаб люмпинизации, чуть не трети рабочих.

Мир был поражён сходством коммунистических режимов с казалось бы их антиподом – фашизмом: те же антикапиталистические лозунги и воодушевление идеей социализма, только не интернационального, а национального, презрение к «продажной буржуазной демократии», «социалистические рабочие партии», всевластие государства, упование на силу и террор гестапо, массовые доносы, аресты, пытки, концлагеря, принудительная идеология, культ вождя - дуче или фюрера, квазипарламент, лживая пропаганда, государственный контроль над частной собственностью и массовые спектакли верноподданничества: митинги, демонстрации, собрания, напыщенные речи и парады.

В чём же причина этого превращения мечты о земном рае в ад? Очевидно, в том, что коммунистические перевороты 1917 г. в России, 1949 г. в Китае и другие, так же как фашистские перевороты 1922 г. в Италии и 1933 г. в Германии, - это вовсе никакие не «революции», какими они себя величали, а антикапиталистические маргинальные бюрократические контрреволюции, ведущие к реставрации феициализма древних деспотий: та же государственная собственность на землю и производство, такая же всевластная бюрократия во главе с идеологами и с обожествленным диктатором, закрепощённость людей пропиской, трудовыми книжками и беспаспортностью колхозников, труд миллионов рабов - зэков Гулага, регламентация всей жизни официальными обрядами, принудительными организациями, собраниями, обязательной идеологией.

Но, разумеется, этот феициализм был модернизирован с поправкой на современные условия: использование достижений техники и вооружения, антибуржуазность, которой не могло быть в древности, и прикрытие спектаклями псевдодемократии и псевдопартии, по существу государственной организации.

Разумеется, ни активисты, ни вожди этих неофициалей не ведали, что творили, действительного исторического смысла своих дел, а по обыкновению хотели, как лучше. Но все их посулы и лозунги волшебным образом оборачивались в противоположность: власть Советов – в маскарад для партократии, земля – не крестьянам, заводы – не рабочим, а все чиновникам, свобода – в деспотизм, равенство – в привилегии, изобилие – в хроническую бедность, братство – в поиск врагов и концлагеря, «мир народам» - в гражданские и мировые войны. Диктатура же феициальной бюрократии стала ее величайшей государственной тайной, а тотальная ложь – государственной политикой.

Впрочем, подобные перерождения в истории не новость. Победные патернальные восстания, не раз случавшиеся: в 3 в. до н.э. крестьянское восстание во главе с пастухом Лю Баном в Китае, в 8 в. - восстание дехкан и кочевников в Иране, в 10 в. – в Тунисе, в 14 в. – сербедаров - в Хоросане и «красных повязок» Джу Юань-Чжана - в Китае, в 15 в. – сеидов - в Хузистане, в 16 в. – анабаптистов Мюнстерской коммуны в Германии, - все они

кончались одинаково: первоначальная уравниловка скоро сменялась привилегиями для лучших и превращением в заурядную деспотию, а вождей – в родоначальников новых монархических династий. И это неизбежно: когда есть прибавочный продукт, всегда найдутся охотники загрести его под себя – и первобытное коммунистическое равенство становится утопией.

Конечно, и под тоталитарным гнетом люди не только страдали, но и работали, учились, влюблялись, растили детей, совершали открытия и изобретения, боролись часто самоотверженно с бюрократическими препонами, – и сквозь коммунистическую диктатуру пробивался прогресс общества: свершилась индустриализация, пусть невероятно расточительная, жестокая и неэффективная, строились города, была защищена родина, пусть страшной кровью, впятеро превысившей потери врага, множились современные профессии, росла общая культура населения, а с ней – его недовольство бюрократическими оковами, смутное сознание социального неблагополучия и недоступность треску официальной пропаганды. Запрет множества профессий для беспартийных обернулся наплывом в коммунистическую партию просто специалистов; нарастало обуржуазивание самой «номенклатуры», которая служению коммунистической правде всё больше предпочитала погоню за чинами, квартирами, автомобилями, дачами, загранпоездками, а с 1992 года первой ринулась в прихватывание государственной собственности. Итогом такого внутреннего преобразования общества не мог не стать крах диктатуры.

Современная Россия – тоже трансформационное многоукладное и многоментальное общество – из трёх основных полос, как её флаг: ностальгической патерналистно-маргинальной красной; воодушевлённой надеждами демократической белой и терзающейся между ними синей.

Семь десятилетий чудовищных жертв, лишений и пропащего труда дискредитировали коммунистические идеалы. Уже к 1990 г. две трети населения в них не верили, отмахиваясь: это никакая не наука, а миф, красивая несбыточная сказка для великовозрастных детей, байка о лучезарном будущем, используемая для отвлечения от трудностей настоящего, одурачивания и поддержания долготерпения простодушных.

Но если бы дело было так просто.

Коммунистический идеал утопичен в его надеждах на насильственное осчастливение в возрождении древней общины, но он сурово реалистичен в критике мучительных общественных коллизий, которые его и порождают и поэтому так или иначе должны быть людьми разрешены. В этом своём критическом содержании коммунизм обречён на осуществление.

В такой выстраданности коммунистического идеала таится объяснение, почему он даёт несчастным могучее воодушевление верой в конечное всечеловеческое братство и высокое чувство породнённости с человечеством, почему потеря этого образа всемирного счастья погружает их в пустоту тёмного потока буден, человеконенавистничества или текущих улучшений.

Впрочем ни апостолы, ни комментаторы коммунизма так и не смогли сказать о нём ничего определённого. Из тумана канцелярской жвачки и

стандартных цитат проглядывает одно: изобилие благ, дворцы, технический кнопочный рай и можно не работать.

Знаменитая формула Маркса-Энгельса «каждый по способностям, каждому - по потребностям», - аксиологически совершенно бессмысленна, даже нелепа, ибо труд по способностям и потребление по потребностям существуют давным-давно: каждый, даже раб работает, как может, а получает, сколько требуется, чтобы он не умер и сохранил работоспособность. «Бесплатный труд» «по способностям» - это участь любого невольника. Такое распределение, как решит начальство, по карточкам или лагерной пайке, кому 300 грамм чёрного хлеба с картошкой – такие у него потребности, а кому – телятина, осетрина, фрукты, - у него потребности выше, такой коммунизм мы проходили.

Ещё более марксова формула годится в качестве основного принципа капитализма: каждый работник или бизнесмен старается изо всех сил, на какие способен, а потребляет по потребностям, общественно необходимым для поддержания его функционирования. Ведь зарплата назначается вовсе не по труду, разные виды которого: слесаря, учителя, художника, - просто несоизмеримы, а только в понукающей зависимости от труда, но по функциональным потребностям работников.

На самом деле под коммунизмом подразумевается просто упразднение денег, торговли и связки потребления с трудом и другими заслугами: бесплатный добровольный труд и бесплатное самовольное потребления, обеспеченное изобилием благ.

В такой открытой простоте эти принципы вызывают скепсис. Возможно ли такое? Отменить деньги и торговлю – тысячелетия от Платона и катаров до Маркса и Ленина бродит этот коммунистический призрак по миру. А может быть, и в самом деле, торговля – преходящий этап в развитии человечества?

Но как тогда осуществить обмен между разными отраслями? Чем и как соизмерять и контролировать их затраты и производительность? оценить убыточность или выгодность технологии? определить производственный прогресс? регулировать производство и потребление? Или работать вслепую, без счёта, расточительно по произволу и надзору бюрократии, по взятым ею с потолка планам и нормам, как семьдесят лет силились добиться совершенства современные коммунисты, но лишь убили в людях и заинтересованность, и материальную ответственность.

Деньги служат средством взаимного учёта и контроля необходимых пропорций производства и потребления не только отдельного человека, но и самой общественной системы: сколько чего должно идти в каждую отрасль и каждое отдельное предприятие и сколько из них. А сегодня большая часть производимого предназначена вовсе не для личного потребления, а для производственного же: сырьё, материалы, комплектующие, станки, аппараты и т.д., и их доля не только не сокращается, но растёт. Поэтому в производственной сфере никакое изобилие и бесконтрольное потребление невозможно. А в личном потреблении?

Достижимо ли изобилие, способное удовлетворить все потребности и всех людей? Уж на что богаты западные супермаркеты – километровые залы, сотни сортов сыра, конфет, напитков, фруктов, всевозможные наряды и т.д., но ведь бесплатно не раздают. Где предел человеческой фантазии в изобретении всё новых потребностей и новых благ?

В рыночном обществе действуют мощные побудители усердия: страх разорения и жажда прибыли у хозяина и страх безработицы и желание большей оплаты у солария. А где иные стимулы? Да, рынок и частная собственность рождают алчность, зависть, вражду, но они же учат и производственному рачению, инициативе, верности слову и праву. А без них кто будет добровольно выполнять труд, необходимый обществу, но грязный и тяжёлый? Почему люди не будут отлынивать от него, если за него не положено вознаграждения? А какое может быть бесплатное потребление без бесплатного труда? Без него какое угодно изобилие быстро растает.

Это обращение личного и общественного интереса можно сформулировать как капиталистический парадокс: эгоистическая корысть ведёт к общественному благу, - и противоположный социалистический парадокс: упование на альтруизм оборачивается хозяйственным упадком, бедностью и тиранией,

И всё же эти наивности патернальных мечтаний вовсе не означают их полной утопичности. В своём критическом содержании коммунизм отражает реальные страдания людей – и они заставят его осуществить, хотя, понятно, не так, не тем путём, как грезится ретроградам. Человечеству необходимо очиститься от зла безработицы, заброшенности несчастных, наркомании, преступности, обмана, насилия, бюрократизма и в первую очередь от самой повседневной драмы человеческого существования в современном обществе – *отчуждения труда* наёмных работников, необходимого им и потому господствующего над ними, но проданного, на предприятии, где всё *чужое*: и машины, и результаты, в коллективе, где все не принимают решения, но подчинены одному, поэтому безразличны к *целям* труда, оттого для них бесцельного, униженного и тягостного, - и так весь день и всю жизнь. Здесь таится подлинная причина невыносимой скуки существования отчуждённого человека и его тщетных усилий спастись от неё с помощью самоцельного потребительства, пассивных развлечений, мистических грёз, пьянства, наркотиков и, наконец, - самоубийств.

Как преодолеть это проклятье?

Социалисты предлагают: посредством общественной собственности на средства производства. Однако что это такое? Если собственность государственная, то реально она оказывается чиновничьей и не даёт никакого преодоления отчуждения, сохраняя такой же гнёт. Собственность коллективная? Какая именно? Акционерная, но она та же капиталистическая, которой командуют наиболее крупные акционеры, а прочие отчуждены. На коллективных предприятиях кооперативных устанавливается демократическое самоуправление, а отчуждение преодолевается, давая экономию на администрации и рост производительности. Но «закрытость»

коллектива от продажи акций посторонним обрекает его на нехватку капиталов для модернизации и на технологическое отставание.

Лишь коммунистическое бесплатное потребление добровольно и бесплатно работающих перемещает их *цель* с оплаты и наказания на сам труд и тем самым преодолевает его отчуждение, заменяет его тягость и униженность радостью творчества и общественного самоутверждения. Причина тяжести и грязи труда – не природная, а социальная – в его отчуждении. Сколько нагрузок и пачканья в работе геолога, хирурга или матери, ухаживающей за младенцем; но разве их труд считают грязным? Нет, если он доброволен и вдохновлен благом людей. Даже наоборот, во вдохновенном труде, чем больше трудностей, тем больше чести и радости в их преодолении. Но тот же труд, если он делается по принуждению или за унизительно низкую плату, становится тягостным. Самое высоко воспетое – любовь, если она отчуждена насилием или платой, превращается в отвратительное изнасилование или проституцию.

И уже сегодняшний уровень производства в наиболее развитых странах позволяет гарантировать своим гражданам минимум необходимого в пище, одежде, жилище и прочих недефицитных благах – *достаток*, пусть для каждого человека индивидуальный, хотя, конечно, не удовлетворение прихотей и потребностей престижных – «приличных» для поддержания высокого социального статуса, тем более – не в роскоши – хвастовстве обладания дефицитом. Но общедоступность достатка лишает престижности многие из благ, пока остающихся статусными.

Уже много десятилетий товарное изобилие на Западе так давит на сбыт, что вынуждает к продаже жилищ, автомобилей, электротехники и других дорогих товаров в кредит с рассрочкой. Ныне две трети населения развитых стран, «средний класс» имеет такой же доступ к образованию, коммунальным удобствам, телевидению, автомобилям, заграничным путешествиям, отелям, что и самые богатые, разве что без люксов, позолоты и прочих аксессуаров роскоши. Контоткоррентный кредит изобретателям общественно полезного товара или услуги открывает им возможность быстрого развёртывания нового производства и обогащения; тем самым общественная полезность дела снижает ценность унаследованного богатства в качестве условия благосостояния.

Гарантия достатка всем и каждому ныне сама собой вырастает из социального страхования – бесплатной школы и пособий по болезни, безработице и старости с защитой в профсоюзе и суде; ему недостаёт лишь одного – общедоступности. Но от скольких нынешних унижений и мучений избавит она безработных, так же как мало- или устарело квалифицированных, на чей труд спрос стал так редок, а оплата так низка, что просто отбивает у них к нему охоту. Без дополнительных общественных расходов гарантированный достаток создаёт им условия для учёбы и переучивания к другой, общественно ценной деятельности. И принесёт разрядку социального напряжения и снижение преступности. Таким образом свободное потребление освобождает также и труд от страха потери оплаты и прибыли; экономическое

принуждение к труду сменяется статусным, ибо различие благосостояний остаются лишь для дефицитных престижных благ, в части сверх гарантированного минимума, сохраняющих зависимость от личных заслуг и капитала.

Современные профессии и электронные технологии создают новых работников, высокой культуры и творчества, самоуверенных и независимых, заставляя фирмы освобождать их от административной регламентации и рутины, вводя для них индивидуальные «скользящие графики» присутствия, самоуправление, коллективное принятие решений, то есть по существу коммунистическое освобождение труда. В творческом обществе увязка потребления с трудом уже не только не стимул, но становится тормозом развития производства. В науке, искусстве, инженерии творческие люди всегда отдавали предпочтение любимому делу, пусть менее доходному, зато более интересному и свободному. Ныне такой настрой распространяется вширь по всему производству. Уже сегодня в развитых странах большинство опрошенных высказывают желание работать, даже если они будут материально обеспечены.

Обезлюдение автоматизированных производств, а, с другой стороны, необходимость им работников духовно развитых и лучше отдохнувших, просто принуждает общество к сокращению рабочего времени и увеличению досуга для спорта, искусства, серьёзного чтения и развлечения, дружбы, любви, путешествий. В общественных ценностях всё явственней творчество и спокойствие возвышаются над богатством.

Но ныне созревают условия для освобождения не только потребления и труда; оно тянет за собой преобразование всего общества: быта, государства, семьи, морали.

Новые компьютерные и лазерно-плазменные технологии делают выгодным замену огромных заводов мелкими и средними предприятиями и даже надомным трудом инженеров, учёных, программистов, дизайнеров, издателей, биржевых маклеров, банковских работников и т.д., и создают возможность переселения их из мегаполисов в сельскую зелень и тишину, однако в соединении с городской инфраструктурой и удобствами. Чем не пророческое стирание пропасти между городом и деревней?

Скрепой власти всегда служила материальная зависимость подчинённых от благодателя; лишь она заставляет их исполнять приказы, даже неодобряемые. Свободное обеспечение каждого необходимым обрывает эту питательную пуповину подчинения – и власть рассыпается, притом всюду, не только в государственном аппарате, но и на производстве, науке, искусстве, школе, семье, сменяясь подчинением добровольным, ради организации совместного дела, - общественным самоуправлением с исполнением решений по согласию с ними, из собственной потребности в них; устанавливается высшая форма демократии, коммунистическая. А вслед за распадом государственного принуждения становится невозможными и бессмысленными завоевания и угнетения. Каким облегчением для человечества будет этот отказ от армий, гонки вооружений, военных разруг и

страданий.

Без государства становится ненужной официальная регистрация любви, семьи и детей – брак. К чему, если достаток семьи и детей в любом случае обеспечен, а государственного вмешательства и принуждения нет? Складывающаяся ситуация уже сегодня склоняет до половины молодых семей пренебрегать своей официальной регистрацией.

Коммунизм обесмысливает основные моральные пороки: к чему подхалимство и чванство, обманы и подлости, воровство и мошенничество, если нет материальной нужды, подчиняющей зависимости и ослаблена страсть к роскоши?

Трагическая история и крах коммунистических режимов хоронит идеи диктаторского коммунизма. Путь к коммунизму лежит не через привилегированные партии, насилие, бюрократическую диктатуру и «строительство», а через свободу личности и демократию, не через «экспроприацию» частной собственности, лишь обращаемой в чиновничью, а через проникновение в неё самих работников, их деловой успех, не через отрицание товарно-денежных отношений, а через их демократическое регулирование.

Коммунистический уклад уже существует и развивается внутри капиталистической системы, возникая спонтанно, из внутренней необходимости общества. Хотя, увы, как водится, и этот прогресс не может обойтись без коллизий – и для его ускорения и облегчения необходимы его теоретическое понимание и партийное движение *либерал-коммунизма*, как ни абсурдно звучит такое словосочетание сегодня.

Да здравствует единство демократии и коммунизма! Да светятся его захватывающе прекрасные горизонты! Подите прочь, самозванные благодетели человечества с пулемётами и бомбами в руках! Займитесь лучше собой. Творцам мира есть что терять, и мы сами создаём своё счастье и свободу.

см. Леонард. И. Ибраев. Необходимость и свобода. Очерк нецеситной социологии. Йошкар-Ола: Стезя, 1993.

Пометка мая 2022 г.:

Увы, доклад — не пророчество, а выявление тенденций.

В сегодняшней международной обстановке скорее можно ожидать атомной войны и конца человечества.